

Е. В. Душечкина

ИМЯ ДОЧЕРИ «ВОЖДЯ ВСЕХ НАРОДОВ»¹

The author of the article makes an attempt to find (at least hypothetical) answers on the two questions, firstly why the Stalin's daughter got the name Svetlana, and secondly how the fact of calling her Svetlana influenced (if it did) on the further fate of this name in Russia.

Проблематика настоящей статьи лежит в русле тех аспектов антропонимики, которые связаны с вопросами имянаречения, а также распространения и функционирования в обществе личных имен [см.: Белоусова, 2001, 302]. В центре сюжета – событие, произошедшее 28 февраля 1926 г.: в этот день у И. В. Сталина родилась дочь, которая была названа *Светланой*. Это был третий ребенок Сталина. В 1907 г. у его первой жены Екатерины Семеновны Сванидзе родился сын, названный *Яковом*; в 1921 г. вторая жена Сталина Надежда Сергеевна Аллилуева родила ему сына *Василия*. Сыновьям, как видим, были даны традиционные христианские имена. *Светлана* выпадает из этого ряда.

Имя *Светлана* является одним из выдуманных литературных имен второй половины XVIII – начала XIX в. с положительной эмоциональной окраской (типа *Милана*, *Прията*, *Милолика*, *Добрада*, *Блондина*, *Любим* и др.) [см.: Душечкина, 1996; 2001a; 2001б]. Впервые употребленное А. Х. Востоковым в «старинном романсе» «Светлана и Мстислав» (1802), имя *Светлана* было использовано Жуковским в одноименной балладе (1812), имевшей у читателей такой успех, что вскоре после создания она превратилась в хрестоматийный текст. Уже в 1820 г. она была включена Н. И. Гречем в «Учебную книгу по российской словесности» и впоследствии, вплоть до революции 1917 г., входила практически во все школьные и гимназические хрестоматии [см.: Греч, 1820, 345–352], что сделало ее общеизвестной.

Следствием этой популярности баллады и обаяния созданного в ней образа героини стало возникновение в литературе, фольклоре и жизни образов-двойников *Светланы*, а также ее портретных изображений. В качестве антропонима имя *Светлана* начинает функционировать еще в 1810-е гг., став вторым именем Александры Протасовой (Во-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта American Council of Learned Societies (ACLS).

ейковой), которой Жуковский и посвятил свою балладу, прозвищем самого Жуковского в среде арзамасцев, а также именем ряда женских персонажей литературных произведений. С середины XIX в. круг объектов, названных именем *Светлана*, расширяется: оно присваивается морским судам (винтовой фрегат «Светлана», крейсер «Светлана»), пансионатам, промышленным предприятиям и т. п.

Однако, поскольку в святцах это имя отсутствовало, то в качестве официального личного имени *Светлана* в течение долгого времени не функционировала. Родителям, желавшим иметь дочь Светлану, приходилось крестить девочку другим именем, в то время как *Светлана* использовалось как имя домашнее, неофициальное [см., например, об этом: Синицына, 1995, 58]. И такие случаи не были единичными.

После Октябрьской революции авторитет святцев был поколеблен, что спровоцировало в обществе неслыханный «антропонимический взрыв», следствием которого явилось существенное увеличение количества употребляемых имен – иностранных, литературных, древнерусских и выдуманных [см.: Горбаневский, 1987, 152]. Большинство появившихся в это время имен (некоторые из них носили курьезный характер) вскоре вышло из употребления, и лишь немногие, закрепившись в русском именнике, стали со временем восприниматься как вполне обычные имена. *Светлана* оказалась среди последних. Специалисты по русской антропонимии, характеризуя антропонимическую картину послереволюционного времени, относят *Светлану* к категории «очень редких» имен. Однако употребление этого имени обнаруживало в то время явную тенденцию к росту, постепенно превращая его в одно из любимых имен как культурной, так и партийной советской элиты. Приведем ряд примеров. В 1920 г. у знаменитого лирического тенора Л. В. Собинова родилась дочь, названная *Светланой*; в 1923 г. тем же именем называет свою дочь Н. И. Бухарин; в 1925 г. дочь *Светлана* рождается у известного советского военачальника М. Н. Тухачевского, а в 1926 г., как уже говорилось, *Светланой* была названа дочь Сталина.

В настоящей работе делается попытка ответить (хотя бы гипотетически) на два вопроса: во-первых, почему дочь Сталина получила имя *Светлана* и, во-вторых, как повлиял (если повлиял) сам факт наречения ее *Светланой* на дальнейшую судьбу этого имени.

У кого и как могла возникнуть мысль из широкого репертуара женских имен выбрать для новорожденной достаточно экзотическое в то время имя, неизвестно. Сама Светлана Аллилуева (Сталина) в книгах, написанных ею в 1960–1980-х гг., относясь, по-видимому, к своему имени как к совершенно ординарному, по этому поводу ничего не пишет.

Свои предположения на этот счет высказал М. Вайскопф в недавно вышедшей книге «Писатель Сталин». Обсуждая проблему «кавказского субстрата» в личности Сталина, М. Вайскопф сближает имя дочери Сталина с его псевдонимом, с одной стороны, и с кавказской мифологией – с другой. В представлении Сталина имя *Светлана* связывалось, по мнению М. Вайскопфа, с именем матери героя нартовского эпоса *Сослана* или *Сосырко* (в переводе – *Стального*, откуда, как он считает, происходит и псевдоним Сталина). Мать этого Сослана *Сатана* – мудрая вещунья, чародейка и отравительница, родившаяся из трупа женщины. Таким образом, Сталин дает своей дочери имя (а М. Вайскопф не сомневается в том, что это был выбор Сталина), «напоминающее о матери эпического Сослана – светозарной Сатане...» [Вайскопф, 2001, 196].

Когда Светлана была ребенком, Сталин, как отмечает М. Вайскопф, «с совершенно избыточным постоянством обыгрывает ее зловещее детское прозвище»: в письмах к жене (также уроженке Кавказа), упоминая о дочери, он «почти всегда называет ее *Сатанка*» [Вайскопф, 2001, 196]. После гибели жены (в 1932 г.) Сталин стал заменять *Сатанку* на *Сетанку* якобы для того, чтобы «избежать обидных и непонятных для девочки коннотаций» [Там же]. Сама же Светлана пишет: «Называл он меня (лет до шестнадцати, наверное) “Сетанка” – это я так себя называла, когда я была маленькая» [Аллилуева, 1994, 78].

Весьма сомнительно, что, выбирая имя для дочери, Сталин не только вспомнил нартовский эпос, но восстановил в своем сознании имена его героев и их мифологические функции – и все это только для того, чтобы назвать дочь именем, ассоциирующимся с матерью Сослана, т. е. с его собственным именем-псевдонимом. Думается все же, что дело обстоит гораздо проще. Варьирование домашнего имени Светланы – *Сетанка/Сятанка/Сатанка* (а по нашим наблюдениям, все три варианта встречаются на равных в семейном языке) вполне отвечает ассимиляционным закономерностям детского языка: ударное *а* второго слога спровоцировало в языке ребенка безударное *а* первого слога, сначала с сохранением, а затем и с утратой мягкости предшествующего согласного. Девочку ласково называли *Светланкой*, и потому она сама стала звать себя *Сетанкой/Сятанкой/Сатанкой*, и это ее самоназвание было подхвачено старшими. В письме к Сталину от 21 сентября 1931 г. (когда Светлане было пять лет) Надежда Аллилуева пишет: «Направляю тебе “семейную корреспонденцию”. Светланино письмо с переводом, т. к. ты вряд ли разберешь все те важные обстоятельства, о которых она пишет». В этом письме рукою самой Светланы сделана подпись: «Твоя Сятанка» [см.: Мурин, 1992, 56–57]. Кстати, Надежда в известных нам письмах называет дочь *Светланочкой* или *Светланкой*, в то время как в письмах Сталина мы читаем «Здравствуй, Сетанка!»; «Милая Сетанка!». Сталину, как кажется, вообще было свойственно в семейном общении использовать «детский язык»: письма к жене он часто заканчивает словами: «целую кепко ного», «целую очень ного, кепко ного» (т. е. «целую крепко много», «целую очень много, крепко много» [см.: Мурин, 1993, 33, 35]. Эффектная концепция М. Вайскопфа представляется нам надуманной и (в данном случае) без особой нужды демонизирующей образ Сталина. Кроме того, эта концепция не учитывает специфики имени *Светлана* в 1920-е гг., о чем говорилось выше. И наконец, есть основания усомниться в том, что имя *Светлана* было выбрано самим Сталиным.

Надежда Аллилуева родила дочь в Ленинграде, куда она приехала к родителям за несколько месяцев до родов и вернулась в Москву, когда девочке было уже около трех месяцев. Б. Бажанов, бывший в 1923–1928 гг. секретарем Сталина, много общавшийся с его женой и, по его словам, «даже несколько подружившийся» с ней, вспоминает: «Через некоторое время Надя исчезла, как потом оказалось, отправилась проводить последние месяцы своей новой беременности к родителям в Ленинград. Когда она вернулась и я ее увидел, она мне сказала: “Вот, полюбуйтесь моим шедевром”. Шедевром было месяца три, он был сморщенным комочком. Это была Светлана...» [Бажанов, 1997, 116–117].

О причине отъезда беременной Надежды Аллилуевой в Ленинград нам ничего неизвестно, хотя сам этот поступок удивления не вызывает: женщины нередко едут рожать в родительский дом, рассчитывая в первые месяцы после родов на помощь матери. Однако, если вдуматься в этот факт биографии жены Сталина, встает вопрос, почему

она поступила так при рождении своего второго ребенка, в то время как первый (Василий) был рожден ею в Москве? Не стала ли причиной отъезда Надежды Аллилуевой в Ленинград очередная размолвка с мужем, с которым к середине 1920-х гг. ее отношения становятся все более и более напряженными? Станным дополнением к сведениям о рождении Светланы в Ленинграде является фрагмент из ее первой книги «Двадцать писем к другу», написанной в 1963 г., где сообщается, что в 1926 г. у Сталина с женой произошла ссора, результатом которой явился ее отъезд к родителям с обоими детьми (т. е. Василием и Светланой). «Мамина сестра, Анна Сергеевна, – пишет Светлана, – говорила мне не так давно, что в последние годы своей жизни маме все чаще приходило в голову – уйти от отца <...> Как-то еще в 1926 году, когда мне было полгода, родители рассорились, и мама, забрав меня, брата и няню, уехала в Ленинград к дедушке, чтобы больше не возвращаться» [Аллилуева, 1994, 83; см. также: Такер, 1991, 395–396]. Некоторые дополнительные детали этого инцидента были получены Светланой от ее няни: «Няня моя рассказывала мне, что отец позвонил из Москвы и хотел приехать “мириться” и забрать всех домой. Но мама ответила в телефон, не без злого остроумия: “Зачем тебе ехать, это будет слишком дорого стоить государству! Я приеду сама”. И все возвратились домой...» [Аллилуева, 1994, 83].

Таким образом, получается, что либо Надежда Аллилуева на протяжении одного года уезжала к родителям дважды (причем на достаточно продолжительный срок), либо по прошествии тридцати с лишним лет (когда и состоялся у Светланы разговор с теткой об этом событии) время ссоры между Сталиным и Надеждой, приведшей к ее отъезду, сместилось в сознании рассказчицы на несколько месяцев. Так или иначе, но можно с определенной степенью достоверности утверждать, что, рожая дочь, Надежда Аллилуева была в ссоре со своим мужем. Этот факт делает, на наш взгляд, правдоподобной версию о том, что имя для новорожденной выбиралось в его отсутствие и без его участия. В написанном еще из Ленинграда письме Надежды Аллилуевой, адресованном матери Сталина и датированном 14 апреля 1926 г. (т. е. через полтора месяца после рождения дочери), она уже пишет о ней как о *Светлане*: «Дорогая мама Кэтэ! <...> Недавно я родила вам внучку, очень хорошую девочку, которую зовут Светланой. Родилась она 28/2 в 3 часа ночи» [цит. по: Самсонова, 1998, 35].

Вполне возможно, что Надежда Аллилуева, будучи личностью независимой и твердой, вопрос о наречении дочери решила сама или же со своими родителями. На выбор имени новорожденной, помимо неуклонно возрастающей популярности имени *Светлана*, могло, на наш взгляд, повлиять и имя дочери Бухарина (родившейся за три года до Светланы Сталиной), с семьей которого в 1920-е – начале 1930-х гг. были близки как Сталин, так и его жена.

Не исключено, однако, что в наречении новорожденной принимал участие и дед Светланы – Сергей Яковлевич Аллилуев (1866–1945), партийный соратник Сталина еще с конца XIX в., который, переехав в 1907 г. в Петербург, начинает служить в Обществе электрического освещения и до конца жизни оказывается связанным с электротехнической промышленностью и строительством электростанций. Профессиональная деятельность деда Светланы, не имеющая на первый взгляд отношения к выбору имени внучки, именно в 1920-е гг. могла оказаться в этом вопросе решающим фактором. Имя *Светлана*, которое в эти годы уже утрачивало связь с героиней баллады (на долгие десятилетия исключенной из школьных программ), в эпоху реализации плана ГОЭЛРО по электрификации страны (согласно провозглашенному в 1920 г. ленинскому лозунгу

«Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны») стало приобретать новые коннотации. Производное от слова *свет*, это имя начинало «впитывать» в себя оттенки, отражающие дух времени, ассоциируясь с выражениями *электрический свет*, *светлый путь*, *свет коммунизма* и т. п. Связь имени *Светлана* с «электрической» семантикой начала возникать еще в дореволюционные годы, когда в 1913 г. в Петербурге «Светланой» было названо отделение электрических ламп (существующее поныне под тем же именем Производственное объединение электронного приборостроения) [см.: «Светлана», 1986, 15]. Это предприятие производило *световые лампы накаливания*, откуда возникла аббревиатура *свет-ла-на*, вошедшая в употребление: в 1920–1930-е гг. это словоупотребление было более распространенным, нежели пресловутая «лампочка Ильича». Видимо, по той же причине название «Светлана» получил и совхоз, созданный вблизи строившейся в 1921–1926 гг. по плану ГОЭЛРО Волховской ГЭС. Широкое внедрение в производство и быт электрической энергии буквально «электрифицировало» эпоху. Не захотел ли электротехник и строитель Шатурской ГЭС С. Я. Аллилуев, старый партиз и атеист (а потому, конечно, не озабоченный проблемой крещения внучки и наречения ее по святам) назвать ее именем, связанным с «электрической» символикой новой эпохи?

Тот факт, что дочь «гения всех времен и народов», «великого Сталина» звалась *Светланой*, не мог не сыграть роли в дальнейшей судьбе этого имени. Примеру Сталина последовали другие руководители советского государства, писатели, деятели культуры и рядовые граждане. Уже во второй половине 1920-х гг. дочери Светланы рождаются у писателя М. А. Шолохова (1926), у ближайшего сподвижника Сталина В. М. Молотова (1929), у молодого драматурга А. Н. Афиногенова (1929), у генерального конструктора Артема Ивановича Микояна (брата Анастаса Ивановича) и у других. К началу 1930-х гг. имя дочери Сталина стало известно и широким кругам советского общества. Не только на ее отца, но и на нее, стоящую на трибуне девочку, ежегодно 7 ноября и 1 мая были устремлены глаза ликующих демонстрантов [см.: Васильева, 1996, 171]. 3 августа 1935 г. в «Правде» была воспроизведена фотография «Товарищ Сталин с дочерью Светланой». Так имя *Светлана* начало ассоциироваться со Сталиным, а образ Светланы Сталиной превращался в один из символов времени. В результате возникает связь этого имени с другими «именами идеологического звучания» – *Владилеи, Вилен, Лении, Сталиии* и т. п. [см.: Бондалетов, 1976, 38].

В популяризации имени дочери Сталина определенную роль сыграл и начинающий детский поэт Сергей Михалков, который 28 февраля 1935 г. (как раз в день рождения Светланы Сталиной) опубликовал в газете «Известия» «колыбельную» под названием «Светлана»:

Ты не спишь,
Подушка смята,
Одеяло на весу...
Носит ветер запах мяты,
Звезды падают в росу.
<...>
Я тебя будить не стану:
Ты до утренней зари
В темной комнате, Светлана,
Сны веселые смотри.

[Михалков, 1935, 3]

Сам Михалков в мемуарах появление *Светланы* в качестве адресата «колыбельной» мотивирует стремлением завоевать симпатию своей однокурсницы по Литинституту, носящей это имя. «Мог ли я подумать, – восклицает Михалков, – что в моей судьбе такую роль сыграет случайное совпадение имен моей знакомой девушки и любимой дочери “вождя народов”?!» [Михалков, 1998, 57]. Это «случайное» совпадение действительно сыграло в судьбе автора «Дяди Степы» определяющую роль, раз и навсегда обеспечив ему расположение Сталина. Рассказывая эту историю, Сергей Владимирович явно не учел того факта, что адресат его «колыбельной», «однокурсница по Литинституту», родилась еще до революции, а потому (как уже говорилось) имела слишком мало шансов быть названной *Светланой*.

Поступок Михалкова, как откровенно карьерный, получил освещение в ряде «непридуманных анекдотов» о Сталине. В изложенном А. Жовтисом варианте за три дня до дня рождения Светланы Сталиной (когда ей должно было исполниться десять лет) Михалков принес в редакцию «Пионерской правды» стихотворение «Светлана». Редактор, осознав, что речь в нем идет о дочери Сталина, вначале испугался, но потом все же отважился рискнуть и опубликовать принесенный Михалковым текст. «Через три дня девочка Светлана открыла “Пионерскую правду”, увидела стихотворение, которое не могло не относиться к ней, поскольку именно ей, а не какой-нибудь другой девочке сегодня исполнилось десять лет, и побежала показывать его папе. Папа прочел стихи, усмехнулся в усы и восхищенно подумал: “Ну и жук!”» [Жовтис, 1995, 18–19; см. также: Бореев, 1990, 91]. Несмотря на то, что в данном варианте искажены некоторые факты (во-первых, стихотворение Михалкова было напечатано в «Известиях», а не в «Пионерской правде», во-вторых, Светлане Сталиной в 1935 г. исполнилось не десять, а девять лет), суть дела они отражают верно. «Предполагаю, что много поколений детей нашей страны читало и знает это стихотворение», – простодушно пишет С. В. Михалков [Михалков, 1998, 56]. И он прав: колыбельная «Светлана» перепечатывалась многократно (каждый раз беспрепятственно получая на это разрешение Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром [см., например: Репертуарный бюллетень, № 3, 17]), тем самым популяризируя как дочь Сталина, так и ее имя, частотность употребления которого в 1930-е гг. (как в жизни, так и в литературе) неуклонно растет.

Подобно тому как в XVIII в. именник дворянок отражал рост имен, носителями которых были царицы [см.: Никонов, 1971, 134], так в сталинскую эпоху явную тенденцию к росту обнаружило имя *Светлана*. Имя *Светлана* в повести «Голубая чашка» (1935) дает своей маленькой героине Аркадий Гайдар. О невестке по имени *Светлана* мечтает героиня повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна» (1940): «Засыпая, Софья Петровна старалась представить себе ту девушку, которую полюбит Коля и которая станет его женой: высокую, свежую, розовую, с ясными глазами и светлыми волосами... Ната? Нет, лучше Светлана» [Чуковская, 1990, 23]. Имя *Светлана* получает и героиня одноименного балета Д. Л. Клебанова (по сценарию И. И. Жиги), в котором она, дочь дальневосточного лесничего, является возлюбленной комсомольца Илько, вступившего в борьбу с диверсантом и шпионом [см.: Репертуарный бюллетень, № 1–2, 9–10]. Примеры могут быть умножены.

По мере своего распространения в жизни и в литературе, сохраняя в себе и оттенок новизны, и связь с именем дочери Сталина, имя *Светлана* постепенно превращается в обычное, немаркированное имя. О роли Жуковского в судьбе этого имени было

давно забыто. Однако память об этой связи сохранили русские эмигранты первой волны. Когда в 1960-е гг. как в советской, так и в зарубежной печати поднялся шум по поводу бегства за границу Светланы Сталиной (к тому времени ставшей Аллилуевой), ее имя вдруг оживило образ героини Жуковского. Так, в ноябре 1967 г. в парижском журнале «Возрождение» было напечатано письмо в редакцию Ольги Керенской, выразившей свое возмущение по поводу того, что на обложке одного из номеров журнала воспроизведена фотография Светланы Аллилуевой и что в передовой статье о ней говорится как о «воплощении всего русского многострадания и героине». Автор письма видит в этом «моральное оскорбление всему русскому народу» [Керенская, 1967, 127]. Через номер в том же журнале публикуется заметка Марины Старицкой, выступившей в защиту Светланы и утверждавшей, что и при жизни ее отца Светлана не стояла «рядом со Сталиным, как Берия, как Ежов, как Ягода и другие палачи...» [Старицкая, 1968, 124]. Старицкая пишет, что впервые она услышала о Светлане в связи с распространившимся слухом о ее заступничестве за Ахматову перед Сталиным (из-за чего якобы Ахматова и не была репрессирована): «Так я узнала, что у Сталина есть дочь с нежным именем из Жуковского “Светлана” <...> И эта Светлана добрая, она заступилась за мою любимую Анну Ахматову <...> Было немного стыдно верить, что в этой страшной шайке убийц, палачей и профессиональных преступников, которые правили нами, в этом страшном, черном и кровавом месиве мог жить кто-то добрый, кто-то чистый и обладающий человеческими чувствами, как мы. Но очень хотелось верить» [Там же, 125].

Так, через полтора столетия после создания баллады «Светлана» были неожиданно сближены, слившись в единый образ, две Светланы – «милое создание» знаменитого «балладника» и дочь «вождя всех народов», давшие, каждая по-своему, толчок к утверждению в русской культуре имени *Светлана*.

Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. СПб., 1994.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина // Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1997. С. 116–117.

Белоусова Е. А. Социокультурные функции имяназвания // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 275–302.

Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, стилистическая структура и особенности изменений // Ономастика и норма. М., 1976. С. 12–46.

Борев Ю. Сталиниада. Рига, 1990.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.

Васильева Л. Н. Дети Кремля. М., 1996.

Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М., 1987.

Греч Н. И. Учебная книга по российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе. СПб., 1820.

Душечкина Е. В. «При мысли о Светлане...»: Баллада Жуковского в общественном и литературном обиходе // Имя – сюжет – миф. СПб., 1996. С. 45–64.

Душечкина Е. В. «Красуля по имени Света...»: К вопросу о деформации образа и смысла имени // Чужое имя: Альманах «Канун». Вып. 6. СПб., 2001а. С. 261–272.

Душечкина Е. В. Семантическая история одного имени (От Светланы к Светке) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф. 30 января – 2 февраля 2001 г. Ч. 2. М., 2001б. С. 207–210.

- Жовтис А.* Невыдуманные анекдоты: Из советского прошлого. М., 1995.
- Керенская О.* Письмо в редакцию // Возрождение (Париж). 1967. № 191, нояб. С. 127.
- Михалков С. В.* Светлана // Известия. 1935. № 151, 28 февр. С. 3.
- Михалков С. В.* От и до... М., 1998.
- Мурин, 1992 – Надежде Сергеевне Аллилуевой лично от Сталина: (Переписка 1928–1931 годов) / Публ. И. Ю. Мурина // Родина. 1992. № 10. С. 50–58.
- Мурин, 1993 – Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / Сост. Ю. Г. Мурин. Берлин; Чикаго; Токио; М., 1993.
- Никонов В. А.* Женские имена в России в XVIII веке // Этнография имен. М., 1971. С. 120–141.
- Репертуарный бюллетень: Театр, эстрада, музыка. М., 1940. № 1–2, 3.
- Самсонова В.* Дочь Сталина. М.; Смоленск, 1998.
- «Светлана»: История Ленинградского объединения электронного приборостроения. Л., 1986.
- Синицына Фаина.* «Подлежу уничтожению как класс»: История о «раскулачивании» Максимилиана Волошина [Предисловие] // Родина. 1995. № 2. С. 58–62.
- Старицкая М.* Еще о Светлане // Возрождение (Париж). 1968. № 193, янв. С. 124.
- Такер Р.* Сталин. Путь к власти, 1879–1929: История и личность. М., 1991.
- Чуковская Л. К.* Процесс исключения. М., 1990.

* * *

Елена Владимировна Душечкина – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.